

**МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ
ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА (ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ)
THE METHODOLOGY OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE
OF OSWALD SPENGLER (EXPERIENCE THE MODERN READING)**

Румянцева Татьяна Герардовна,
Минск, Беларусь

Ключевые слова: гуманитарное познание, О.Шпенглер, «Закат Европы», историческая методология, релятивизм.

Резюме. В докладе анализируется специфика методологического подхода О.Шпенглера к анализу исторической реальности. Показано, почему, несмотря на ряд достаточно спорных, а порой и одиозных идей философа в области гуманитарного познания, они, тем не менее, оказались куда более созвучными по духу тем событиям, которые человечество пережило в минувшем столетии, и обретают определенный эвристический потенциал при описании и понимании смысла новейшей истории.

Key words: Humanitarian Knowledge, O. Spengler, "The Decline of Europe", The Historical Methodology, Relativism.

Resume: The report analyzes the specifics of Spengler's methodological approach to the analysis of historical reality. It is showed why, despite some rather controversial and notorious philosopher's ideas in the field of human knowledge, they were much more consonant with the spirit on the events that mankind has experienced in the last century, and gain some heuristic potential in describing and understanding the meaning of the recent history.

Начало систематической разработке методологии гуманитарного познания было положено немецкими мыслителями — основателями Баденской школы неокантианства В.Виндельбандом и Г.Риккертом, а также представителем неакадемической ветви философии жизни — В. Дильтеем. Однако среди мыслителей, внесших существенный вклад в ее теоретическое обоснование, причем, в значительной мере отличающееся от ставших поистине классическими выше отмеченных разработок, был и выдающийся немецкий культур-философ — О.Шпенглер. Несмотря на ряд достаточно спорных, а порой и одиозных идей мыслителя в области методологии истории и гуманитарного познания, они, тем не менее, оказались куда более созвучными по духу тем событиям, которые человечество пережило в минувшем столетии, и обретают определенный эвристический потенциал при описании и понимании смысла новейшей истории. В данном докладе и будет предпринята попытка выявить специфику методологического подхода О.Шпенглера к анализу исторической реальности и показать, почему его идеи и сегодня располагаются в фокусе самых скандальных социально-исторических и философских бестселлеров и концепций конца XX—начала XXI века.

В своем знаменитом, ставшем философским бестселлером XX столетия — «Закате Европы» О.Шпенглер утверждал, что специфической методологии гуманитарного познания все еще не существует, что заимствованный ис-

торией у естественных наук научный метод познания абсолютно не пригоден для описания исторической действительности, что здесь вообще нельзя ничего познавать, а можно лишь созерцать. По Шпенглеру, «всякая попытка научно трактовать историю по самой сути дела содержит в себе долю противоречия... Природу нужно трактовать научно, история требует поэтического творчества» [1, с.171]. Явно претендуя на лидерство в этой области, философ, однако, нигде не дает однозначного определения метода исторического познания — ни в выше отмеченном тексте «Заката Европы», ни даже в специально посвященной этому вопросу работе под названием «Пессимизм ли это?» Он ограничивается здесь лишь фразами о том, что это «в принципе не поддается никаким определениям»; мол, это вообще надо уметь «прочувствовать, пережить». И, тем не менее, всей своей книгой он демонстрирует обстоятельное применение своего метода.

По мысли Шпенглера, исторический метод не должен рассматривать историю с позиций сегодняшнего дня: «На все эти явления необходимо смотреть не глазами партийного человека, идеолога, современного моралиста, не из закоулка какой-нибудь «точки зрения», но с вневременной высоты, устремив взор на тысячелетия мира исторических форм» [1, с.77]. Историк, по Шпенглеру, должен, конечно, понимать прошлое и настоящее, но главное, он должен уметь предсказать ход истории, обращаясь к прошлому. Только оно и может дать ответ на вопрос о том, существует ли логика истории, те необходимые ступени, через которые она проходит в своем развитии. Он формулирует для себя следующую программу: «Я надеюсь доказать, что все без исключения великие создания: формы религии, искусства, политики, общества, хозяйства, наук во всех культурах одновременно возникают, завершаются и угасают, что внутренняя структура одной вполне соответствует всем другим; что нет ни одного, имеющего в исторической картине глубокое физиогномическое значение, явления в одной из них, к которому бы не нашлось параллелей во всех других, притом в строго показательной форме и на вполне определенном месте» [1, с.193]. Подобно палеонтологу, по одной кости способному воссоздать облик давно исчезнувших животных, историк должен суметь реконструировать целую культуру, опираясь всего лишь на отдельные факты. Однако чтобы решить эту задачу истории, нужно «совсем иное проникновение и независимость от видимостей переднего плана, чем те, каковые были до сего времени в обычае у историков».

В основу своего исторического метода Шпенглер положил следующие принципы:

1. Историческое познание противостоит естественнонаучному и любому другому научному познанию.

2. Называя все способы познания «морфологиями», он противопоставляет «морфологию природы» («систематику») «физиогномике», как историческому способу познания. Физиогномика «есть перенесенное в духовную область искусство портрета». Только речь идёт о портретах не отдельных

людей, а целых культур, а чтобы писать такие портреты, надо «родиться историком».

3. Приоритет исторического перед естественнонаучным. История первоначально, это «наивный и юношеский, менее сознательный способ» постижения действительности, естествознание — продукт более зрелой культуры. Шпенглер утверждал, что первобытные народы куда более историчны, чем его современники: их мир живой, полон демонов и тайн.

4. Противопоставление истории естествознанию как индивидуализированной картины мира — обезличенной. Поэтому, согласно Шпенглеру, «писать историю с философской точки зрения, значит, делать то же самое, что делал Шекспир, когда он писал трагедии отдельных людей». [2, с.112-114].

В работе «Пессимизм ли это?» философ пытается далее прояснить существо исторического метода, используя понятия «судьба», «глубинное переживание», «физиогномический такт» и «релятивизм». Своеобразным центром здесь служит идея «судьбы», к которой близко примыкают понятия «время» и «жизнь» и противопоставляется понятие «причинности». Для истории, в отличие от естествознания, считает он, главным являются не факты, а то, на что они указывают. Если в науках о природе за явлением всегда стоит «вещь в себе», то в истории за фактами стоит «судьба», которую надо обнаружить, увидеть и понять, ибо она придает культуре неповторимый облик и целостность, а фактам — единство. Постигнув единство фактов, мы постигнем и саму судьбу. Научное мышление здесь бессильно, ибо судьба постигается только чувством. Это — тайна бытия, приговор, слово, используемое для неподдающейся описанию внутренней достоверности, а вот сообщить эту идею судьбы может опять-таки только художник, владеющий искусством портрета. Шпенглер называет судьбу ключом к пониманию всемирной истории и всех ее тайн.

Следующим понятием, с помощью которого Шпенглер раскрывает суть своего исторического метода, является понятие «глубинного переживания». «Глубинное переживание» противостоит по смыслу аналитическому мышлению, свой метод Шпенглер, поэтому характеризует как «сочувствие, созерцание, сравнение, внутренняя достоверность и точная чувственная фантазия». Все вместе это и есть «глубинное переживание», то есть, изначальная способность воспринимать мир как единый живой организм, творить образ этого мира, вкладывая свой внутренний мир в картину истории. Решающая роль здесь принадлежит не сумме полученных знаний о прошлом, а чувству судьбы той или иной культуры, ее стилю, языку и т.п. Еще одним — «третьим и весьма трудным», по словам Шпенглера, понятием, используемым для характеристики исторического метода, стало понятие «физиогномический такт». Это, по Шпенглеру, произвольный и бессознательный метод инстинктивного прозрения хода мировых событий. В строгом смысле «физиогномический такт» — это способность чувствовать поступь истории, её ритм и периодичность; способность угадывать, наконец, к какой культуре принадлежит тот или иной её феномен. Дело в том, что культуры, по Шпенглеру,

суть организмы, а история культуры — их биография. Только на первый взгляд может показаться, что эта история состоит из бесконечного множества или форм: «Проникающий глубже в суть вещей взор открывает в этой беспорядочности чистые формы, лежащие в основе всего становления глубоко скрытыми, и только против воли открывающимися». Речь идет о феномене великих культур, которые и нужно уметь вскрыть, прочувствовать во всей их физиогномической и органической значительности. Только тогда можно будет считать уясненной сущность истории, и, более того, говорить всерьёз о философии истории. «Только тогда станет возможным, — пишет Шпенглер, — понять каждый факт исторической картины, каждую мысль, каждое искусство, каждую войну, каждую личность, каждую эпоху во всей их символической содержательности».

Еще во введении к «Закату Европы» философ писал о том, что средством для «уразумения живых форм» является аналогия, поэтому история любой культуры морфологически представляется ему полной аналогией с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка. Все культуры поэтому — как организмы одного вида — имеют равную длительность существования и идентичный темп развития, переживая «возрасты отдельного человека. У каждой имеется своё детство, юность, возмужалость и старость», каждая имеет «определенную продолжительность жизни и определенный темп развития». Такт античного существования, к примеру, был другим, чем такт египетского или арабского. И это имеет решающее значение для всех культур: «Каждая культура, каждое начало, каждый подъем и падение, каждая ее необходимая фаза имеют определенную, всегда равную, всегда со значительностью символа вновь возвращающуюся длительность» [1, с.188].

Наличие «физиогномического такта» и предполагает чувство исторической одновременности, т.е. занятие равных временных положений и исполнение одинаковых ролей в своих культурах. При этом «одновременными» Шпенглер называет такие два фактора, которые наступают (каждый в своей культуре) в совершенно одинаковом — относительном — положении и, следовательно, имеют вполне соответствующее значение. Это, к примеру, Пифагор и Декарт, Платон и Лаплас, Архимед и Гаусс, Александр и Наполеон, Плотин и Данте и т.д. С целью заложить твёрдую основу для подобного рода исторических аналогий, Шпенглер даже устанавливает периодичность для разных явлений культуры: 50 лет — период политического, духовного и художественного становления; 300 — длительность великих стилей в искусстве и в философии, и, наконец, 1000 лет — длительность каждой культуры. Здесь он вновь отмечает аналогию живых организмов и великих культур, полагая, что все этические, математические, политические и хозяйственные образования играют ту же роль в существовании культуры, что и листья, цветы и ветви во внешнем виде и способе существования растения. Точно так же каждый отдельный человек повторяет с необходимостью все фазы той культуры, к которой он принадлежит, т.е. у каждого из нас, согласно Шпенглеру, есть своя готика, свои соборы, рыцарские замки и героические сказания.

Излагаемый в таком виде исторический метод Шпенглера отличается крайним *релятивизмом*, от которого сам философ, кстати говоря, и не отказывается, считая его важнейшей составляющей этого метода. Релятивизм в истории, как он его понимает, есть одно из выражений судьбы, это и есть «познание идеи судьбы». Однократность, непоправимость, невозвратимость всего совершающегося есть та форма, в которой судьба является человеку. Согласно Шпенглеру, «...мировая история не есть какой-нибудь единый процесс, а группа, состоящая пока из восьми высоких культур, совершенно самостоятельных, но во всех своих частях однородных по структуре; всякий созерцатель, все равно, мыслит ли он для жизни или для мысли, всегда мыслит только как человек своего времени». Человек у Шпенглера — это всегда человек своего времени; а каждая эпоха имеет только свои истины: вечных, абсолютных истин нет. Если вспомнить при этом рассуждения философа о времени, которое фактически обернулось у него судьбой, то и всякая картина мира становится в этом смысле не более чем способом проявления «исторического времени», той же судьбы. Тогда этих способов мышления и картин мира можно насчитать столько, сколько вообще существует исторически определенных стилей культуры. Соответственно и «мир» — как некий абсолют, как кантовская «вещь в себе» — становится у Шпенглера не более чем предрассудком. Ведь мы достигаем с помощью морфологии лишь впечатления отдельных миров, как своего рода выражения отдельных душ. Не случайно, по мысли Шпенглера, что вера физика или философа, которую он разделяет с толпой в то, что его мир и есть подлинная действительность, напоминает, скорее, уверенность дикаря в том, что все боги черны.

Шпенглер существеннейшим образом отличается здесь от неокантианцев-баденцев и Дильтея, пытавшихся обосновать *общезначимость гуманитарного знания*. Отбросив этот принцип, философ, тем не менее, вовсе не смущен тем, что его собственные утверждения по поводу истории также не могут, в соответствии с его же логикой, претендовать на объективность, что они как бы автоматически снимаются как релятивистские и являются не более чем способом выражения только одной фаустовской культуры. Шпенглер ничего не утверждал о преимуществе именно европейской культуры перед всеми остальными культурами, поэтому тайны чужих культур не обязаны были оказываться раскрытыми в его философии. Не вводил он и какой-либо изначальной реальности (как это было в философии истории Гегеля) — реальности, которая была бы общей для всех культурно-исторических организмов, и, соответственно, логика которой определяла бы логику развития всех культур. Если, конечно, не рассматривать в качестве такой общей «логики» логику развития всех живых организмов — рождение, детство, зрелые годы, старость и смерть. Но на все эти вопросы можно, строго говоря, ответить только после рассмотрения его циклической модели всемирной истории, суть которой заключается в отрицании идеи прогресса и введение вместо нее понятия «циклическости». В свою очередь, критика идеи прогресса в формате

линейных представлений о развитии истории с необходимости приводит Шпенглера к его знаменитому пророчеству о грядущем «конце Европы».

Таким образом, философ так и не признал, что история может быть наукой, пусть особой, отличной по своей методологии от естествознания, но именно *наукой* — неважно, «наукой о духе», как у Дильтея, или «исторической наукой о культуре», как у неокантианцев-баденцев.

Отрицая линейную модель истории и идею прогресса как архаичные, Шпенглер, тем не менее, во многом предвосхитил последующую дискредитацию такого рода представлений в науке и философии XX в., особенно после 2-ой Мировой войны, когда классический историзм потерпел крах и вызвал резкое недоверие к рационалистической методологии гуманитарного познания. Как это ни парадоксально, но его идеи оказались во многом созвучны как современному состоянию истории, так и ее новейшим трактовкам.

Список использованной литературы

1. Шпенглер О. Закат Европы / Вступит ст. и комм. д.ф.н., проф. Г.В.Драча. — Ростов н /Д: изд.-во «Феникс», 1998. — 640 с.

2. Румянцева Т.Г. Освальд Шпенглер /Т.Г.Румянцева — Мн.: Книжный Дом, 2008. — 192 с.